O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

O'ZBEKISTONDA IJTIMOIY FANLAR

2002

6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. Выходит по 6 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

К юбилею Шахрисабза

А. БУРИЕВ

О ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОЛОЖЕНИИ ШАХРИСАБЗА В XIV—XV ВЕКАХ

По археологическим материалам, город на территории нынешнего Шахрисабза начал застраиваться с XII в. Некоторые упоминания о нем имеются в письменных источниках эпохи Темуридов. Так, известный историк того времени Хафиз-и Абру (ум. в 1430 г.) в своем историко-географическом сочинении писал: «Кеш имел древнюю крепостную стену, но она была разрушена. Его Величество Сахибкиран (Амир Темур), да осветит Аллах его славу, в семьсот восьмидесятом году (хиджры)[1] заново построил крепостные стены этого города»[2]. Это событие подтверждает также Шараф ад-дин Али Йезди, другой известный историк эпохи Темуридов, хотя он называет годом постройки крепости Шахрисабза 781 г. х. (1380 г.)[3]. Для получения более конкретных известий о Кеше (Шахрисабзе), крепостные стены которого находились к 80-м годам XIV в. в разваленном состоянии, надо взглянуть на историю города XIII—XIV вв.

По сведениям среднеазиатского историка и путешественника Абу Са'да Абдулкарим б. Мухаммад ас-Сам'ани, Кеш в XII в. был по размеру меньше, чем Насаф[4]. Таково было положение Кеша до вторжения монголов.

В результате монгольского завоевания Насаф был разрушен, а позже правитель Чагатайского улуса Кебек-хан (1318—1325) построил новую крепость, получившую название «Карши», на территории современного Карши.

В течение всего XIII в. и в начале XIV в. наиболее известным городом Кашкадарьинского оазиса считался Кеш (Шахрисабз). Косвенное подтверждение тому мы можем найти в историческом сочинении Рашид ад-дина. В нем говорится о назначении Хулагу, сына Тули, в 1253 г. правителем Ирана, по приказу верховного правителя Менгукаана. Хулагу, согласно этому приказу, в 1254 г. выехал из Монголии и в 1255 г. прибыл в Самарканд, откуда последовал в Кеш, где пробыл один месяц. Сюда, к нему на поклон, прибыли с подарками правители и вельможи из западных областей (Рум, Фарс, Ирак, Хорасан, Азербайджан, Арран, Ширван, Гурджистан)[5]. Шараф ад-дин Али Йезди дополняет список прибывших именами правителей Туса и Герата[6].

---

[1] По григорианскому летосчислению — 1379 г.

[2] Хафиз-и Абру. География. Ркп. Оксфордской Бодлеянской библиотеки, № 155.

[3] Шарафад-дин Али Йезди. Зафар-наме (фотофаксимильное издание и указатели А. Урунбаева), Ташкент, 1972, л. 163 а.

[4] Камалиддинов Ш. С. «Китаб ал-ансаб» Абу Са'да Абдулкарима ибн Мухаммад ас-Сам'ани как источник по истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 108.

[5] Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М.; Л., 1946. С. 25.

[6] Шараф ад-дин Али Йезди. Зафар-наме, л. 67 а.

Выясняется, что в середине XIII в. по пути из Самарканда на запад, до р. Джейхун (Амударья), Кеш был значительным городом. В период правления Кебек-хана, а затем Тармаширин-хана (ум. в 1328 г.) политико-административным центром Чагатайского улуса стал. г. Карши. Нахшаб (Насаф) же в это время уже был населенным пунктом типа городского поселка. Об этом упоминает в своем дневнике и арабский путешественник Ибн Баттута[7], который около двух месяцев находился в Карши.

Иначе говоря, в начале XIV в. Кеш как город постепенно утратил свое былое значение, ибо и в последующие годы, т. е. при правлении Казан Султан-хана (1332—1346), столичным городом Чагатайского улуса был Карши. Затем, когда правление в западной части улуса перешло к амирам, оба этих города стали провинциальными городами, так как амир Казаган (1346—1357) избрал своей столицей Сали-Сарай, а его сын Абдаллах — Самарканд.

В середине XIV в. городами Кеш и Карши управлял Хаджи Барлас, дядя Амира Темура по линии отца. Его резиденция находилась в Карши; об этом упоминает Шараф ад-дин Али Йезди[8]. В целом со второй половины XIII в. Кеш и Насаф (Карши) с прилегающими территориями в административном отношении принадлежали племени барлас. Их право на владение этой областью признавалось правителями Чагатайского улуса.

В 1347 г. в восточной части Чагатайского улуса к власти приходит Туглук Тимур-хан (1347—1362). Стремясь овладеть всем Чагатайским улусом, он в 1360 г, совершил поход в Мавераннахр. Правитель Кеша и Карши Хаджи Барлас, оставив свое владение, бежал в Хорасан. Амир Темур в целях сохранения области Кеша и Карши от разорения монголов решил поступить на службу Туглук Тимур-хану. За это Туглук Тимур-хан отдал ему во владение Кеш и Карши с прилегающими районами до р. Джейхун на западе. Кеш (Шахрисабз) стал главным городом Кашкадарьинского оазиса, политико-административным центром владения Амира Темура. При изложении событий 60-х годов XIV в. Шараф ад-дин Али Йезди упоминает Шахрисабз в качестве столицы государства Сахибкирана или же центра его владений[9].

В годы борьбы Амира Темура против монголов за независимость Мавераннахра (1360—1366 гг.) и до свержения амира Хусейна (1370 г.) Шахрисабз оставался политико-административным центром его владений.

Когда в 1370 г. Амир Темур одержал полную победу над Хусейном и стал единоличным правителем западной части Чагатайского улуса, первый свой курултай он созвал в Шахрисабзе. Здесь же он создал административный аппарат своего государства. Али Йезди пишет об этом следующее:

«(Сахибкиран) каждому назначил туман или хазаре, исходя из его положения. В том числе: эмира Дауда назначил эмиром дивана и также вручил ему должность даруги (градоначальник) Самарканда; эмира Джаку, эмира Сайф ад-дина, эмира Аббаса, Искандара, Аламшейха, Алку каучина, Ардашера каучина и Кимари он назначил эмирами войск и тавачи; эмира Сари-Бугу, Хусейна барласа, эмира Ак-Бугу, хаджи Махмудшаха, Элчи бахадура и Даулатшаха бахши назначил эмирами дивана; Хитай бахадура, Шейх-Али бахадура, Актемур бахадура, Табан бахадура, Дукану, Бахшишаха, Кара-Хинду, Таканака, Шейха Али

---

[7] Иброҳимов Н. Ибн Баттута ва унинг Ўрта Осиёга саёҳати. Тошкент, 1993 йил. С. 66, 70.

[8] Шараф ад-дин Али Йезди. Зафар-наме, л. 94 б.

[9] Там же, л. 141 а.

он назначил главами бахадуров. В таком порядке каждый, исходя из своих заслуг и положений, получил определенную должность»[10].

Именно в Шахрисабзе Амир Темур принял решение сделать Самарканд столицей своего будущего государства. Но Шахрисабз не потерял свое значение и после того, как Самарканд стал столицей. Грандиозные сооружения строились в Шахрисабзе в течение всего периода правления Амира Темура. Здесь находились гробницы членов семьи Сахибкирана. Каждый раз, когда Амир Темур отправлялся в дальний поход или же при возвращении, он некоторое время проводил в Шахрисабзе. Таким образом, при правлении Амира Темура Шахрисабз занимал по своему значению второе место после Самарканда. Именно тогда название «Шахрисабз» постепенно приобретает большую известность. В последней четверти XIV в. город достиг самой высокой степени своего развития. Но после времен Амира Темура и Улугбека он утратил свою былую славу и оказался вне внимания центральных властей.

[10] Там же.

Б. Б. АМИНОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГЕНЕАЛОГИИ БАРЛАССКИХ АМИРОВ

Изучение надписей намогильных плит мазаров Шахрисабза и его периферии дало возможность составить генеалогию амиров из барласской этнической группы.

Подобные памятники, считающиеся творениями XV в., ставились обладателям амирского звания, чьи родители, предки находились в родстве с Амиром Темуром. При изучении их генеалогии нами ставилась и задача определить места погребения представителей этого рода и этническую ситуацию данного региона.

Объектами исследования стали, в частности, надписи на пяти намогильных плитах. Три из них находятся в архитектурном ансамбле Гумбази Сайиидан, одна на кладбище Чугмазарата, а пятая хранится в музее кафедры археологии исторического факультета НУУ им. М. Улугбека. Три из этих надгробных плит сундукообразной формы (ГС-1, ГС-2, ЧО-1)[1] — не сводчатого, а две (КА-1, ГС-Д) — сводчатого типа. Памятники эпиграфики Гумбази Сайиидана (ГС-1, ГС-2, ГС-Д) сделаны из белого мрамора, ЧО-1 — из черного гранита, а КА-1 — из светло-серого гранита. На трех плитах (ГС-1, ГС-8, ГС-Д) надписи сделаны почерками сулси-насхи, куфи, а на остальных — только сулси-насхи.

На двух плитах (КА-2, ГС-Д) присутствует название «Барлас». Обратившись к историческим источникам периода Темуридов, мы убедились в том, что владельцы плит ГС-1, ГС-2, ЧО-1 также относятся к этому роду.

Текст, высеченный на ГС-1, свидетельствует о пяти представителях одного потомства. Он гласит:

1. Это могила великого амира, покойного
2. Помилованного, поборника религии Султана
3. Ибрахима Бахадыра, сына амира Джаханшаха,
4. Сына амира Джаку, сына амира Мубарака,
5. Сына амира Тугана, год смерти 839 г. хиджры.

[1] Намогильные плиты скодированы по месту их расположения: ГС — Гумбази Сайиидан, ЧО — Чугмазарата, КА — музей кафедры археологии НУУ им. Мирзы Улугбека.

Как видим, все члены рода отмечены званием «амир». Самый младший их представитель — Султан Ибрахим Бахадыр — «великий амир», отважный, бесстрашный поборник религии. Он служил в войсках Шахруха Мирзы, считался видным военачальником и, по сведениям историка Абдураззака Самарканди[2], с 1415 г. начал оказывать определенное влияние на события как историческая личность. Именно в том году он по приказу Шахруха Мирзы защищал область Султания от туркменских войск под предводительством Кара Юсуфа[3]. В 1416 г. он участвовал во взятии области Кармана, а в 1417 г. исполнял свой воинский долг в таких местах, как Бадахшан, Кандагар, Кабул[4]. Несколько раз он проявлял активную деятельность в подавлении сепаратистского движения туркмен. Как пишет Хафизи Абру, он был владетелем таких районов, как Кундуз, Баклан, Бурулдай; в то же время был амиром дивана, выполнял обязанности глашатая войска[5]. Предполагается, что эту должность он исполнял до конца своих дней, а после смерти, как и другие принцы Темуридов, был захоронен на родной земле, в Шахрисабзе.

Отец Султана Ибрахима, амир Джаханшах стал носить звание амира с 1366 г. С 1366 по 1370 г. он служил в войсках Амира Темура и амира Хусайна. До 1370 г. в столкновениях, имевших место между амиром Хусайном и Амиром Темуром, выступал на стороне первого[6] и даже сражался в Рабати Малике против Амира Темура, потерпев при этом поражение[7]. Предполагается, что окончательный переход Джаханшаха на службу к Амиру Темуру произошел после смерти амира Хусайна. Его активная деятельность приходится на 1382—1404 гг.

Когда Амир Темур в марте 1404 г. отдал во владение амирзаде (принцу) Умару Азербайджан и Ираки Ажам, то вместе с ним послал туда Джаханшаха. Но год спустя, в результате интриг и заговоров, происходивших в местах правления Мирзы Умара, Джаханшах был убит из кровной мести[8]. Данных о том, где и когда он был похоронен, пока не имеется.

У Хафизи Абру есть сведения о том, что у Джаханшаха были сыновья: Халил Султан, Пир Али, Пир Мухаммад, Пир Султан, Яхья, Султан Мухаммад и упомянутый выше Султан Ибрахим. Среди них, кроме Султана Ибрахима, Пир Султан (Бурундук), Султан Мухаммад и Яхья занимали различные должности в государственных учреждениях и управлениях[9].

Отец амира Джаханшаха, амир Джаку был одним из преданных полководцев амир ул-умара Амира Темура. Приняв активное участие в создании фундамента будущего государства, он оставил свой след в исторических событиях 1360—1371 гг. Когда практически все амиры Амира Темура перешли на сторону Хаджи Барласа, лишь Джаку остался верен своему предводителю[10]. Большую роль сыграл он также в

---

[2] Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн/ Таржима, сўзбоши ва изоҳлар А. Ўринбоевники. Тошкент, 1964. С. 308.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 359.

[5] Хофизи Абру. Зубдат ат-таворих//Амир Темур ва Улуғбек замондошлари хотирасида (Рисола)/Б. Ахмедов, У. Уватов, У. Каримов ва бошқ. Тошкент, 1996. 312-б.

[6] Низомиддин Шомий. Зафарнома/Форс тилидан тарж. Ю. Ҳакимовники. Тошкент, 1996. 61-б.

[7] Там же. С. 116.

[8] Абдураззак Самарканди. Указ. соч. С. 67.

[9] Хафизи Абру. Указ. соч. С. 309—310.

[10] Шарафутдин Али Яздий. Зафарнома/Форс тилидан тарж. О. Бўриевники. Тошкент, 1994. 74-б.

битве под Кешем, в «грязевой битве» 1365 г.[11], в подавлении движения сарбадоров в 1365 г. [12] и в наказании джелаиров[13].

После 1370 г. амир Джаку уже не участвует в походах Амира Темура. Возможно, заняв высокую должность в управленческом учреждении Кабула, он удовлетворился этим. Но в отдельных источниках отмечается, что в 1405—1406 гг. амир Джаку в составе войска Шахруха Мирзы принимал участие в подавлении восстания в Сабзаваре[14].

У амира Джаку, помимо амира Джаханшаха, было еще два сына, Один из них, первенец, Каратемур, когда-то уехал в Моголистан где и скончался[15]. Младший сын, амир Мизраб бахадыр был амир ул-умаро (высший командующий войсками) и считался правителем Катланского улуса[16]. В составе войск Амира Темура он принимал участие в походе на Индию в 1400 г.[17] Амир Мизраб находился на службе у Амира Темура до весны 1403 г. Позднее он, как и его отец, амир Джаку, племянники Султан Ибрахим и Яхья, заслужил имя «справедливого амира» во владениях Шахруха Мирзы. Мизраб участвовал во многих военных походах Шахруха Мирзы в качестве умелого военачальника. Умер он в 1415 г. в Парсской области[18].

Шарафутдин Али Язди пишет, что у амира Джаку был также сын по имени амир Зирак[19]. Абдураззак Самарканди отмечает, что он служил в войсках амирзаде Абу Бакра и весной 1406 г. был убит[20].

На надгробном камне ГС-1 высечены имена отца амира Джаку, Муборака и деда —,Тугана, из чего можно сделать вывод, что их происхождение ведет к видному государственному деятелю Карачару нойону[21], который считался предком пятого колена Джаку и Амира Темура. Если потомок шестого колена Карачара — Ийжал считается предком Амира Темура четвертого колена, то его потомок седьмого колена Ширга является предком амира Джаку четвертого колена. Из включенных в круг исследуемых текстов надписей намогильных плит выяснено, что следующие амиры и их предки также принадлежали к аристократическому слою барласов:

1. (ГС-2): Амир Хамза бин (сын) амир Тагай Буга бин (сына) Севинч Буга (скончался 4 дня месяца священного рамазана 833 г. х.).

2. (ГС-Д): Дилшад ага бинти (дочь) амири кибор Дадмулк барлас (скончалась в конце раби ул-аввал 836 г. х.).

3. (ЧО-2): Абука ибн (сын) амира Сулайман ал-мирахура (скончался в месяце рамазан 852 г. х.).

4. (КА-2): Амирзаде Пирмазид... Мухаммад барлас (скончался в месяце сафар 834 г. х.).

Предки амира Хамзы, покоившегося в могиле, где была установлена плита ГС-2, также ведут к потомку Карачара нойона, Ийжал нойону. Принадлежность деда амира Хамзы, Севинч Буга к этому роду-племени в письменных источниках не зафиксирована. Но текст намогильной плиты ясно гласит об этом. У Хафизи Абру зафиксировано, что у сына Ийжал нойона был сын Илангир, а у того был сын Хамиш. Его сыновьями были Севинч Буга и Тагай Буга. Там же имеются сведения,

---

[11] Там же. С. 104 (в. 110 б).
[12] Там же. С. 117 (в. 114 а).
[13] Там же. С. 126 (в. 116 а).
[14] Фосих ал-Хавафи. Мужмали Фосих. Тошкент, 1986. С. 131.
[15] Хафизи Абру. Указ. соч. С. 309.
[16] Низомиддин Шоми. Указ. соч. С. 244.
[17] Шарафутдин Али Язди. Указ. соч. С. 117 (в. 114).
[18] Абдураззак Самарканди. Указ. соч. С. 46.
[19] Шарафутдин Али Язди. Указ. соч. С. 131.
[20] Абдураззак Самарканди. Указ. соч. С. 46.
[21] Амир Темур аждодлари (Предки Амира Темура)/Тузувчи О. Бўриев. Тошкент, 1992. С. 18-б.

что у Тагая Буга были сыновья Рустам, Хамза, Пир Мухаммад и Али[22]. При сопоставлении сведений, полученных из текста намогильной плиты и этого источника, мы сталкиваемся с явным несоответствием. Хафизи Абру пишет, что Севинч Буга неправильно отмечен как брат Тагая Буга, на самом деле, он был отцом Тагая Буга.

Абука, покоившийся в мазаре Чугмазарата, считался одним из известных амиров Мирзы Улугбека[23]. Он происходит из рода Хасмур, ведущего свою ветвь от Карачара. Отец Абуки, Сулайман, судя по сведениям намогильной плиты, носил звание мирохура (надзиратель или староста конюшней).Сулайман — второй сын четвертого сына Хасмура, Кутту Бука (Буга). У Сулаймана, кроме Абуки (Абака), были еще сыновья — Темур ходжа и Овард[24]. Отец Дилшада агы, Дадмулк был внуком пятнадцатого сына Карачара нойона, Табона. Его отец, Кара упоминается в источниках. Но некоторые сведения по этому потомству еще не выяснены.

Владелец плиты КА-1 Пир Мазид тоже происходит от Карачара нойона. Его отца звали Пир Надир.

Таким образом, сведения, приведенные в источниках и на надгробных надписях, указывают на родственные узы барласских амиров, происхождение которых идет от общего предка — Карачара нойона. После перехода барласов из Семиречья в Шахрисабзский район, во второй половине XIV в. этот город и его периферия стали их родиной. Мазары Гумбази Сайидан, Хазрати Имам, связанные с именем наставника Амира Тарагая, Амиром Кулялом, стали основным местом захоронения представителей аристократического круга барласов после перезахоронения Амиром Темуром тела его отца. Такие видные амиры, как Султан Ибрахим, Хамза Тага Буга, и дочь Дадмулк барласа, Дилшад ага захоронены в этом комплексе.

Итак, данные надгробных надписей свидетельствуют о местах захоронений барласских амиров, а также об этнической ситуации Шахрисабза и его периферии. По нашему мнению, в городе, его муниципалитете основные посты были заняты представителями этого рода. Барласы были правителями областей, полководцами разных рангов в государстве Темуридов. Темуридские царевичи доверяли им, следовательно, высокие посты и должности.

Данные эпитафий позволяют выяснить точные имена личностей, даты их смерти, и сама география памятников эпиграфики служит доказательством распространения племени барлас по определенным территориям периферии Шахрисабза (к югу от города — Чугмазарата, к востоку — Чоршанбамазар). Но еще не ясны места захоронений и даты смерти большинства амиров. Отсюда необходим дальнейший поиск пока неизвестных эпиграфических памятников этого региона, что позволит продолжить генеалогическое изучение рода барлас — соплеменников Амира Темура, а вместе с тем пролить дополнительный свет на изучение исторического прошлого и этнической ситуации г. Шахрисабза и его округи.

[22] Хафизи Абру. Указ. соч. С. 307.
[23] Мирхонд. «Равзат ус-сафо»дан//Амир Темур ва Улугбек... 121-б.
[24] Хафизи Абру. Указ. соч. С. 304.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

МОНЕТЫ КЕША (КИША) III—II ВЕКОВ ДО н. э.— VIII ВЕКА н. э.

До сравнительно недавнего времени характер и особенности денежного обращения в Кеше в древний и раннесредневековый периоды оставались фактически малоизвестными. Первая попытка обобщения

имеющихся данных по этому вопросу была предпринята автором настоящей статьи в 1988 г.[1] Новые материалы позволяют уточнить выдвинутые ранее предположения. В частности, более конкретно можно говорить о начальном этапе денежного обращения в этой области, ранее отнесенном нами к греко-бактрийскому времени.

Так, в районе кишлака Бугажиль, к северо-западу от Китаба[2], найдено серебряное подражание драхмам Александра Македонского. Вероятно, такого же типа подражание было выявлено А. Мусакаевой среди находок Кешской археолого-топографической экспедиции на Каландартепа[3].

Появление подражаний типам монет Александра Македонского относится, видимо, к самому концу IV — началу III в. до н. э., хотя в целом Е. В. Зеймаль датирует эти монеты III—II вв. до н. э. Следует отметить, что это первые монеты данного типа, имеющие точный паспорт их находки (прежде они были известны лишь по музейным собраниям[4]). Это позволяет поставить вопрос о их чеканке в области Кеша-Наутаки, а также в соседней области Ксениппа (позд. Нахшеб), откуда происходит находка подлинной тетрадрахмы Александра Македонского или Селевка I, чеканившего свои монеты по типу монет Александра Македонского[5].

На границе области Кеш и Центрального Согда, в кишлаке Хаприн, расположенном в 4 км от кишлака Джам, обнаружена тетрадрахма селевкидского царя Антиоха I (281—261 гг. до н. э.) с сидящим Аполлоном на реверсе[6].

Следует подчеркнуть, что все эти монеты обнаружены на древней дороге, соединявшей область Наутака-Кеш с Согдом и Маракандой через перевал Джам, которая, судя по находкам и археологическим памятникам вдоль нее, весьма интенсивно использовалась в эллинистическое время.

Подъем денежного обращения в восточной части бассейна Кашкадарьи относится к греко-бактрийскому времени (середина III — начало второй половины II в. до н. э.). Так, по данным М. Е. Массона, в 1906 г. вблизи Китаба был найден большой клад греко-бактрийских монет, среди которых имелись обол, драхмы, тетрадрахмы Евкратида, а также две монеты Антимаха[7].

Б. Н. Кастальский упоминает о находке четырех оболов Антимаха, обнаруженных в Шахрисабзе[8]. При раскопках КАТЭ на Сангыртепа найден медный халк Диодота, определенный М. Е. Массоном.

Монетные находки, относящиеся к первым векам н. э., пока незначительны. Медная кушанская монета Канишки обнаружена около перевала Ташкурган. Согдийский обол из группы Гиркода поднят на Каландартепа в Китабе[9].

---

[1] Ртвеладзе Э. В. К вопросу о монетах Кеша//История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1988.

[2] Омельченко А. В. Подражание драхме с типом Александра Македонского из Южного Согда//Нумизматика Центральной Азии. Вып. V. Ташкент, 2001. С. 14—17.

[3] По данным А. Мусакаевой.

[4] Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 77—81.

[5] Зеймаль Е. В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы//Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 65.

[6] Абдуллаев К. Тетрадрахма Антиоха из кишлака Хаприн//Нумизматика Центральной Азии. Вып. V. С. 11—14.

[7] Массон М. Е. Монетные находки в Средней Азии//Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1928. С. 284.

[8] Кастальский Б. Н. Неизвестная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антиоха I, битая в честь Евтидема I//ВДИ. 1940. № 3—4. С. 359.

[9] Массон М. Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области//Труды ТашГУ. № 233: Археология Средней Азии. Ташкент, 1977. С. 26.

При раскопках Малой Кызбиби (между Нахшабом и Кешем) С. К. Кабановым найдена медная согдийская монета с изображениями Геракла и Зевса[10]. На этом основании Е. В. Зеймаль, датировавший данную группу монет II—IV вв. н. э., считал, что они могли выпускаться в Южном Согде [11]. Аналогичная, но серебряная монета найдена при раскопках Турткультепа[12], также расположенного в исторической области Наутака-Кеш. Недавно большой клад этих монет был найден в районе Талимарджана, на древней караванной дороге от Ксениппы-Нахшаба к переправе через Амударью в районе Каркн. Мне удалось исследовать 60 монет из этого клада.

Таким образом, очевидно, что группа серебряных монет, по своим весомым данным близких к оболам, с изображением Геракла на аверсе и Зевса на реверсе чеканилась и обращалась на территории Южного Согда — исторических областей Наутака-Кеш и Ксениппа-Нахшаб.

Особый интерес в изучении этих монет представляют два вопроса — их датировка и чтение согдийских легенд на лицевых и оборотных сторонах, так как их правильное понимание дает важные сведения не только к характеристике денежного обращения, но истории этих областей.

Обратимся к легендам. Хотя уже в конце XIX в. делались попытки их чтения, но по существу только в 70-х годах XX в. Е. В. Зеймаль впервые предложил их интерпретацию, исходя из анализа 14 монет, хранящихся в Гос. Эрмитаже[13]. Он совершенно правильно определил, что на лицевой стороне монет легенда состоит из четырех букв и может читаться как MR'Y — арамейская идеограмма для титула xwβ (владетель), широко представленного на многих согдийских, чачских и хорезмских монетах.

Вместе с тем нельзя согласиться с его чтением легенды на оборотной стороне монет с изображением Зевса. По мнению Е. В. Зеймаля, она состоит из семи букв и может читаться как 'γwnwn[14], что могло передавать как имя собственное, так и название области. Но исследование 60 монет Талимарджанского клада показывает, что легенда здесь состоит из четырех букв. Е. В. Зеймаль ошибочно считал, что в этом слове имеется двойное сочетание букв «w» и «n», якобы помещенных в его окончании[15]. Однако восстановленный исходный прототип этой легенды дает устойчивое соединение полукруглого начертания, принятого Е. В. Зеймалем за отдельную букву «w», и прямой черты, принятой им за «n», что убедительно доказывает передачу в окончании этого слова двойной буквы «t». При последующих чеканках они как бы расходятся, что и привело Е. В. Зеймаля к выводу о наличии двойного сочетания букв «w» и «n».

Что касается первой буквы, то это бесспорно «алеф», а вторая буква, скорее всего, «бет», а не «йот», поскольку начертание «йота» в конце слова MR'Y значительно отличается. Таким образом, наиболее предпочтительно читать слова на оборотной стороне этих монет как 'βtt, а всю легенду — MR'Y 'βtt — «Владетель Абтат».

Второе слово, вероятнее всего, имя собственное. Оно не может быть ни этнонимом, ни названием области, так как этнонимы никогда

---

[10] Кабанов С. К. Руины поселения III—V вв. в долине Кашкадарьи//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 84—85. Рис. 6.

[11] Зеймаль Е. В. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса// Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXXVIII. Л., 1973. С. 68, 73.

[12] Абдуллаев К. Монета с изображением Зевса и Геракла из Кашкадарьи//Нумизматика Центральной Азии. Вып. 2. Ташкент, 1997. С. 9—16.

[13] Зеймаль Е. В. Раннесогдийские монеты... С. 68—73. Там же см. историю изучения этих монет.

[14] Там же. С. 72.

[15] Там же.

не помещались на древних и раннесредневековых монетах, чеканенных в Средней Азии, а названия областей появляются на них в III—IV вв. н. э., впервые на монетах Чача и Кеша. Что касается имени, которое я предпочитаю читать как «Абтат»,— 'βtt, хотя возможны и иные прочтения первых двух букв, то это эпоним — имя основателя династии, правившей в Южном Согде в течение нескольких столетий.

Практика помещения на монетах только эпонима, без указания имен сменивших его других правителей, впервые проявляется на парфянских монетах, что означало разрыв с греческой традицией содержания легенд на монетах, где обязательно помещалось имя правившего царя, к тому же с эпитетом.

Затем она была перенята на чеканках пресловутого «Герая», на самом деле Кушана, монетах Гиркода, Чача, Южного Согда и некоторых других областей. Эта новая традиция привнесена в практику монетного дела Средней Азии династиями, вышедшими из кочевой среды, где роль предка-патронима была огромной[16].

Монеты с изображениями Геракла и Зевса, судя по палеографии букв, явно распадаются на две хронологические группы. В первую входят монеты с архаичным написанием «алефа» в виде крестика, имеющим аналогии в ранних подражаниях монетам Евтидема, датируемых II—I вв. до н. э. Во вторую группу входят монеты, на которых начертания «алефа» совершенно иные — близкие, к примеру, к начертанию «алефа» в Старых Согдийских письмах начала IV в. н. э., и на монетах областей Средней Азии, в частности Чача, III—IV вв. н. э.

Таким образом, начало выпуска монет с изображением Геракла и Зевса относится, вероятнее всего, к I в. до н. э., а завершение их чекана приходится на III—IV вв. н. э. В это время они обращались совместно с медными монетами со сценой единоборства. Очевидно, что уровень денежного хозяйства Южного Согда в античный период достигает достаточно высокого уровня. Здесь как и в других областях Согда, сложился свой рынок, что связано с политическими обстоятельствами — обособлением областей Согда в самостоятельные владения.

На Аултепа обнаружено серебряное подражание монетам Варахрана V (420—438). На расположенном там же Кизбиби найдена серебряная согдийская монета с изображением правителя и лучника[17].

Серебряная монета той же группы, но иного типа, находилась вместе с двумя медными южносогдийскими монетами в сосуде, обнаруженном на Зиндантепа. К сожалению, данные монеты имеют слишком широкие хронологические рамки датировок. Монеты с лучником датируются в пределах I—II — начала VI в. н. э.[18], а медные монеты со сценой единоборства — III—IV—VI вв. н. э.[19]

Вместе с тем отметим, что монета с изображением лучника из Зиндантепа относится к эмиссиям третьего периода. Исключительно интересно наличие на ней достаточно хорошо читаемой краткой согдийской легенды, которая, вероятно, передает имя правителя «twrk» — Турак.

Немаловажна находка ее совместно с медными южносогдийскими монетами с изображением правителя и сцены единоборства, свидетельствующая о том, что оба типа монет имели хождение на территории области Кеша.

---

[16] Ртвеладзе Э. В. К истории становления кушанского государства в Бактрии и Гандхаре//Древняя Индия и Средняя Азия. Ташкент, 2001. С. 145—148.

[17] Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья. Ташкент, 1977. С. 77, 90.

[18] Зеймаль Е. В. Древние монеты... С. 268.

[19] Кабанов С. К. Нахшебские монеты V—VI вв.//ВДИ. 1961. № 1. С. 137—141; его же. Поздние кушаны в Нахшебе//ВДИ. 1973. № 3. С. 159—171; его же. Нахшеб... С. 96; Массон М. Е. Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи//История и культура античного мира. М., 1977. С. 136—137.

Остановимся теперь на медных монетах со сценой единоборства. История их изучения, анализ и ареал распространения подробно исследованы С. К. Кабановым и М. Е. Массоном, которые расходятся как в датировке монет, так и в исторической их интерпретации. М. Е. Массон именует эти монеты парфяно-согдийскими, а С. К. Кабанов — нахшебскими. Первое чтение и перевод легенды на монетах как Bohumazdai — Vohumazdai («добрый маздиец») было предложено в 1899 г. Э. Друэном. Аналогичного мнения придерживался и Аллот де ла Фюи. По В. Хеннингу, легенда читается как β'wh'z k'γ — «царь Бухары». Заметим, что близость начертания некоторых согдийских букв не препятствует подобному чтению, однако против него свидетельствует топография находок монет: все они, за исключением нескольких экземпляров, найдены в Кашкадарье[20].

В. А. Лившиц отметил, что на одной серии данных монет надпись, исполненная согдийским курсивным письмом, может читаться как Kyšykwk'w — «царь кешский», подчеркнув, впрочем, под знаком вопроса некоторую условность этого чтения[21]. В то же время, по мнению С. К. Кабанова, отсутствие этих монет в Кеше не позволяет согласиться с подобной трактовкой легенды.

Однако данный аргумент может быть сейчас снят после их находок в области Кеша (Китаба—Шахрисабза). Последний по времени вариант чтения данной легенды был предложен О. И. Смирновой, полагавшей, что надпись состоит из восьми букв. Первые четыре знака, по ее мнению, допустимо читать, как kwš ('n)k — «кушанский», «относящийся к кушанским», с пропуском из-за недостатка места слога an ('n). Вместе с тем она не отрицает и варианты чтения легенды, предложенные В. Хеннингом и В. А. Лившицем. Второе же слово легенды, по О. И. Смирновой, обозначает титул βrz — «великий»[22].

Приняв чтение О. И. Смирновой, С. К. Кабанов создал целую концепцию о пребывании поздних кушан в Нахшабе, хотя она не подтверждается историческими и нумизматическими данными[23].

Между тем, данная версия О. И. Смирновой весьма гипотетична. В частности, вызывает возражение ее вывод о пропуске слога an ('n) в первом слове, допущенном якобы из-за отсутствия места. Анализ множества монет убеждает, что на них вполне достаточно свободного пространства для помещения этого слога. Вряд ли возможно трактовать вторую букву в первом слове как «w». На некоторых экземплярах после начального «k» имеется не соединенная с другими буквами прямая или полуизогнутая черта, отдаленно похожая на «w», как, впрочем, на «n» или «z». Однако это, вероятнее всего, дефект штемпеля, на котором начальная часть второй буквы была вырезана недостаточно глубоко, из-за чего она получилась как бы с разрывом, позволяющим вместо одной буквы видеть две. На тех же монетах, где легенда вышла достаточно отчетливо, эта якобы отдельная буква чаще всего соединена с другой, которая в целом имеет очертание, свойственное согдийским «c» или «ш». Третий знак легенды, имеющий характерную форму в виде полуизогнутой черты, вероятнее всего, «n», тогда как четвертый, не вызывающий сомнения у исследователей,— это «k».

Исходя из сказанного, допустимо трактовать первое слово легенды как «ksnk» или «kšnk», т. е. «Кешский» — прилагательное, образованное посредством суффикса «k» от слова «ksn»/«kšn» — Кес/Кеш или Кис/Киш, возможно, восходящему к древнему наименованию области

[20] Историю их изучения см.: Кабанов С. К. Нахшебские монеты... С. 137—141; Массон М. Е. Парфяно-согдийские монеты... С. 136—137.

[21] Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах//ВДИ. 1964. № 3. С. 170.

[22] Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.

[23] Кабанов С. К. Поздние кушаны... С. 159—171.

низовьев Кашкадарьи, сохранившемуся в греческой передаче как Κσαηινα — Ксениппа и являющемуся, вероятно, калькой с местного согдийского ее названия. Это же название отражено в наименовании средневекового селения Касан, расположенного в 20 км к северу от Карши.

Обратимся теперь к монетам Ахурпата, правителя Кеша. До настоящего времени находки этих монет (4 экз.) были известны только в Пенджикенте. О. И. Смирнова, впервые опубликовавшая их, считала, что согдийская легенда на об. ст. состоит из имени, титула правителя и места его владений. Имя правителя она первоначально читала как Ахурдат — «Axurdat» — «Дарованный Ахурой», но затем предпочла чтение «Axurpat», ныне общепринятое[24].

Чтение второго слова «xwβ» — «правитель» — не вызывает сомнения. В отношении третьего слова О. И. Смирнова считала, что оно означает нисбу от места владения: ryb'n'k-rayfānāk — «Рафганский», «из Рафгана»,— которое она сопоставила с названием истока Зарафшана — Фандарьей.

Вместе с тем Д. Давудов привел в автореферате своей диссертации мнение О. И. Смирновой, согласно которому она связывала монеты Ахурпата также с Кешем, на основании сходства этого имени с именем правителя Кеша — Ахубидо, от которого в 727 г. было направлено посольство в Китай.

В. А. Лившиц, однако, показал, что слово «kšn'k» — «кешский», а не «Рафганский» — имеется в самой легенде, которая, следовательно, переводится как «Ахурпат, кешский правитель». Что же касается сопоставления его с именем правителей Кеша, известных по письменным источникам, то оно может соответствовать не только «Ахубидо», но и имени правителя Ши-Ахе (Шир) — Ахура, утвержденного на престол в 656—660 гг.[25]

Данное предположение подтверждается находкой в одном слое монет Ахурпата и монет Шишпира, правившего в 642—656 гг.

В области Кеша найдены также отдельные бронзовые монеты согдийских ихшидов, от Шишпира до Тургара.

Ко второй четверти или середине VIII в. н. э. относятся выявленные пока в небольшом количестве фельсы Ихрида — правителя Кеша, казненного при Абу Муслиме в 751 г. На их лицевой стороне имеется арабская надпись куфическим почерком,— «Ихрид, дехкан Кеша», а на оборотной стороне — «Бит этот фельс в Кеше». Фельс этот интересен также тем, что является наиболее ранней монетой, выпущенной среднеазиатским правителем с надписями только на арабском языке[26].

Таким образом, имеющиеся сейчас нумизматические материалы позволяют говорить о раннем возникновении и, вероятно, беспрерывном развитии денежных отношений в области Наутаки-Кеша. Они указывают на разнообразие монетной массы, в основном, начиная с I в. н. э. согдийской, а не бактрийской ориентации, выразившейся в иконографии, метрологии и составе монет. Денежная система этой области базировалась на серебре и меди. Вероятно, уже в раннее средневековье на чеканенных здесь монетах впервые появляется название области — Кеш, хотя возникновение самостоятельной монетной чеканки в ней, видимо, можно отнести к I в. до н. э.— I в. н. э.

---

[24] Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963. С. 199; ее же. Сводный каталог... С. 306—308.

[25] Смирнова О. И. Сводный каталог... С. 425.

[26] Смирнова О. И. Каталог монет... С. 138—139; Большаков О. Г. Второй фельс Ихрида, правителя Кеша//ЭВ. XV. М.; Л., 1963. С. 164.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

ОБ ОЙКОНИМЕ «КЕШ», СУБСТРАТЕ «КАТ» И ИХ ЭТИМОЛОГИИ

Ойконим «Кеш» — одно из древних названий города Шахрисабза и одноименного земледельческого оазиса, расположенного в верховьях долины Кашкадарьи. В раннесредневековых письменных источниках город и его округа упоминаются под названиями Каш или Кашш, Кас или Кисс[1].

В китайских источниках также приводится ряд названий: Сушие, Циши — ойконим Кеш; Сесеван, Цзешуанна, Тйешуанна — городская власть Кеша; Ши, Цзеши, Кюйша, Цюйша, Цзюйша — Кешское владение; Шигоу — Кешское государство[2].

В исторической географии Южного Согда Кеш по статусу занимал второе место после Нахшаба (Карши), центрального города долины Кашкадарьи. В X в. он состоял из кухандиза — цитадели, шахристана — внутреннего города, имевшего четверо ворот, и рабада — внешнего города с двумя воротами. Город простирался тогда в ширину и длину примерно на 1/3 фарсаха (2 км)[3].

По сообщению Ибн Хордадбеха, в доисламское время правители Кеша носили титул Нидун[4] (более вероятно — Бидун), как бухарский правитель того же времени Бидунхудат, т. е. властелин страны. Согласно Мукаддаси, соборная мечеть находилась в цитадели, базары в рабаде, а дом правителя — за пределами кухандиза[5].

В XI в. цитадель была разрушена, а шахристан покинут жителями и заселен только внешний город, т. е. рабад[6].

Затем вблизи от древнего Кеша возник новый город, который с середины XIV в. стал называться Шахрисабз, т. е. «Зеленый город». По этому поводу Захириддин Бабур писал, что Кеш и его окрестности весной имеют цветущий вид, отчего город и получил свое название — Шахрисабз[7].

В раннем средневековье Кешский оазис делился на 16 рустаков — возделанных районов, орошаемых водами трех горных рек: Джаджруд — ныне Китабдарья, Хушкруд — Яккабагдарья и Хузарруд — Хузардарья[8]. По описанию арабских географов, в Кеше в каждый дом была проведена вода и повсюду имелись хорошие сады.

Автор X в. Самъани приводит названия находившихся в этом районе более десяти земледельческих поселений и феодальных замков, как Газнайан, или Гардийан, Зазак, Маргибан, Муда, или Мудува, Найаза, Хушминанджакас, Шурабон, Шикан, или Шишкан, и замок Умайра[9].

В этот список В. В. Бартольд включает еще названия трех городов: Субах и Искифаган по Хузарруду и Навкат-Курайш, расположенный на полпути между Кешем и Нахшабом[10].

Лингвистические данные, извлеченные из различных первоисточников, говорят о том, что изначальная форма топонима «Кеш» транскри-

---

[1] Камолиддинов Ш. С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Саъда Абдулкарима ибн Мухаммада ас-Самъани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 108.

[2] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: В 3-х томах. М.; Л., 1950—1953. Т. II. С. 316.

[3] Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Соч. Т. III. М., 1965. С. 206.

[4] Камолиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 109.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Захириддин Мухаммад Бабур. Бабурнаме: Записки Бабура. Ташкент, 1958. С. 63.

[8] Бартольд В. В. Указ. соч. С. 206.

[9] Камолиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 108.

[10] Бартольд В. В. Указ. соч. С. 206.

бировалась в произношении как «кас» или «кос». И в исторической географии земледельческих районов Средней Азии, в том числе в долине Кашкадарьи, нередко встречаются топонимы и гидронимы с топоформантами «кас», «кос» или «косон» (например, в названиях селений Касби, Касдори, Косон, Косонсой, Косоната и др.).

Лексема «кос» или «кас» и ее синонимические варианты: «каш» или «кашш» и «кис» или «кисс» — восходит к согдийскому слову «кат— ката» или «кад — када». Хотя оно означает «дом» или «жилище», однако имеет более широкий смысл, чем узбекско-таджикское «хона» или арабское «байт». Под лексемой «кат» понималось также селение или деревня с многочисленными домами и отдельными дворами. С лексемой «кат» тесно переплетаются и такие исторические термины, как «катхуда», «катбану», «кадивар», «аташкада», «буткада» и др.[11]

С терминами «катхуда» и «катбону» первоначально связывалось понятие о главенстве над семьями и потомством, затем так именовались старшины жилища, двора, квартала и даже поселения или деревни. А под термином «Кадхудойи даргох» подразумевался «его величество государь» и т. п. Термин «кадивар» означал крепостного крестьянина, обитавшего в кате — специально построенном для него жилище, наряду со слугами сельской общины. Термином «аташкада» обозначалось зороастрийское святилище — дом огня; «буткада» — буддийский храм. «Кат» в Хорезме обозначал и укрепленное степное стойбище, окруженное стеной или валом для защиты от набегов кочевников, которое в древности называлось «вар».

Следует особо отметить, что слово «кат» как название предмета домашнего обихода сохранилось и в лексике современного узбекского и таджикского языков. Так, в Ферганской долине «кат» — деревянный топчан. В Хорезме «кат» — это массивная деревянная кровать. Уменьшительная форма лексемы — «катак» или «катакча» означает курятник или гнездо для пернатых. Под словом «каталак» подразумевалась малогабаритная трущоба.

Итак, лексема «кат» или «кад» и связанные с нею исторические термины (катхуда, катбани, кадивар, аташкада, буткада, катак, каталак и т. п.) говорят о том, что в древности она охватывала широкий круг понятий и потому составляет особый пласт исторической топонимики земледельческих районов Средней Азии.

Географы IX—XII вв. при описании населенных пунктов Мавераннахра приводят довольно значительное количество названий с топоформантом «кат» или «кад». По мнению В. В. Бартольда, такие названия, не встречающиеся в Мургабском оазисе, в большем числе отмечаются в бассейне Сырдарьи и долине Зарафшана, особенно в районе Чирчика и Ангрена[12].

В реестре населенных пунктов земледельческого оазиса Илак, в долине Ангрена, автор X в. Истахри перечисляет 14 названий городов и селений, из них 7 с топоформантом «кат», а в культурной зоне долины Чирчика — 27 названий, из них 17 — оканчивающихся на «кат». Это — Андукат, Ардланкат, Банокат, Барскат, Джабгукат, Дехкат, Заркат, Навджикат,Наукат, Нуджкат, Паркат, Сахакат, Тункат, Фарнкат, Харганкат, Хатункат, Худайнкат и др.[13]

Как видим, один и тот же термин «кат» применялся одновременно и к городу, и к селению. Как выяснилось из исторической географии го-

---

[11] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 209—211.

[12] Там же. С. 210.

[13] Истахри. Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishaq al-Farisi al-Istakhri//BGA. V. I/Ed. M. E. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. P. 328—332.

родов Средней Азии, в отдельных случаях «кат»ом или «кас»ом назывался большой город, т. е. центральный населенный пункт оазиса или столица государства. Так, древней столицей Хорезма был «Кат» или «Кас», расположенный на правом берегу Джейхуна (Амударья), на расстоянии одного дня пути от Хивы[14].

Следует отметить, что последняя буква «т» или «с» лексемы «кат» или «кас» в народной лексике обычно чередовалась с «ш» и образовалась новая ее форма — «кеш».

Итак, можно заключить, что все лингвистические формы топонима кеш, каш, кашш, кас, кос, кис, қисс, восходящие к согдийскому «кат» или «кад», имеют единый субстрат, означающий общее понятие — «населенный пункт».

Вместе с тем, как свидетельствуют некоторые топонимы Хорезма, начальная буква «к» лексемы «кас» в отдельных случаях чередовалась с буквой «х» и образовалась совершенно иная форма «хас», которая наблюдается в названиях таких населенных пунктов исторического Хорезма, как «Нухас», или «Наухас», «Дархас», «Кардаранхас», «Дескаханхас», «Хас» и др.[15]

В исторической географии Средней Азии лексема «кат», «кас», а также в форме «хас» фигурирует не только как самостоятельное название населенного пункта, но и как субстрат в образовании многочисленных топонимов. Так, при помощи аффиксов и суффиксов в форме «бано», «бар», «би», «бин», «зар»/«зер», «нав»/«нау», «пас»/«пис», «дех», «джабгу», «фарн», «хатун», «худайн», «шутур», «барс» и т. д. были образованы многочисленные названия населенных пунктов, указывающие на их качество или принадлежность. Например, «бар+кат=Баркат» — Верхняя деревня, а «кас+бин=Қасбин» — Нижняя; «нау»+кат=Наукат» — Новый кишлак, а «зер+кат=Зеркат» — окрестность села, т. е. сельская округа, и т. п.

Вместе с тем отдельные топоформанты указывают на принадлежность или ставку правителя. Так, Джабгукат — ставка, т. е. резиденция местного правителя; Хатункат — пристанище госпожи; Худайнкат — резиденция государя и т. п.

Таким образом, изучаемый нами топоним «Кеш» и его различные формы: кащ—кашш, кас—кос, кис-кисс и хас, восходящие к согдийскому «кат»/«кад», означает общее понятие — населенный пункт. На основе субстрата «кеш» при помощи различных словообразующих морфем возникло большое количество названий древних и средневековых поселений и стойбищ, представляющих общую панораму исторической географии оседлоземледельческих оазисов Средней Азии.

В раннем средневековье древний Кеш стал одним из благоустроенных городов Туркестана, где были развиты наука и просвещение. Поэтому городу были присвоены в то время эпитеты «Кеши дилкаш», т. е. «Добродушный Кеш» и «Куббат-ул-илм вал-адаб», т. е. «Купол науки и просвещения». Его средневековые мыслители носили прозвание «Кашши», как, скажем, хадисовед IX в. Абу Мухаммад Наср ибн Хумайда ал-Кашши[16]. «Преемником» древнего Кеша и стал г. Шахрисабз, славный юбилей которого мы отметили в наши дни.

---

[14] Там же. С. 341. Подробнее о нем см., напр.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. М., 1963. С. 200; Ибн Хаукаль. Viae etregna. Descriptio ditionis moslemical auctore Abul-Kasim ibn Hanbal/BGA. V. II/Ed. M. E. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873. P. 351; *и др.*

[15] Бартольд В. В. Соч. Т. I. С. 202—203.

[16] Шарафиддин Али Яздий. Зафарнома. Тошкент, 1997. С. 88 (76а).